

А. А. САГОМОНЯН

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ И ИСПАНСКИЙ ВОПРОС. 1944–1947 годы. По новым архивным материалам

В самый начальный период послевоенного противостояния возникших двух политических блоков одним из его аспектов – не первостепенным, но достаточно заметным – являлся испанский вопрос. Сюжет этот в настоящее время малоизвестен, но в 1945, 1946, 1947 гг. о ситуации во франкистской Испании и вокруг нее писали газеты многих стран Европы и Америки, ее анализировали в своих записках и меморандумах ведущие политики и дипломаты, общественные деятели выступали в поддержку испанских демократических сил, против Франко, а в крупнейших городах многих стран проходили антифранкистские митинги. Наконец, упорная борьба вокруг Испании развернулась в стенах только что созданной Организации Объединенных Наций.

Испанский вопрос действительно был сложным, неоднозначным, не имел аналогов в послевоенной Европе. Испания, с одной стороны, была долгие годы дружественным по отношению к Германии и Италии государством, оказывала им помощь в период военных действий, а сам режим, установленный генералом Франко после гражданской войны, считался фашистским. Но с другой стороны, страна формально сохраняла нейтралитет и ближе к концу Второй мировой войны все больше проявляла гибкость в своей внешней политике.

Широкий интерес к испанскому вопросу был обусловлен и тем, что он как бы возрождал тему гражданской войны в Испании, ее итогов, поражения в ней антифашистского лагеря – всего того, что в свое время имело большой резонанс в мире, но теперь не могло не звучать по-новому. После разгрома Германии и Италии постановка вопроса об устранении их "прислужника" Франко и передаче власти демократическому правительству многим представлялась естественной. Именно на это уповало большинство деятелей многотысячной испанской эмиграции. Тем не менее, формальных поводов для внешнего силового вмешательства в испанские дела не было. Правительства США и, особенно настойчиво, Великобритании отвергали подобный сценарий развития событий, хотя сам франкистский режим осуждали и высказывались за его "мирную модификацию"¹.

Советский Союз, роль которого в годы гражданской войны в Испании хорошо известна и который по-прежнему поддерживал тесные связи с Коммунистической партией Испании (КПИ), был настроен более решительно. Конечно, СССР был бы весьма заинтересован в "восстановлении исторической справедливости" по отношению к

Сагомоян Александр Артурович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории международных отношений Московского государственного лингвистического университета.

¹ См.: *Пожарская С.П.* Испания и США. Внешняя политика и общество. М., 1982; *Сагомоян А.А.* Испанский узел "холодной войны". М., 2004; *Whitaker A.* Spain and the Defense of the West. New York, 1962; *Viñas A.* Los pactos secretos de Franco con Estados Unidos. Barcelona, 1981; *Marquina B.A.* España en la política de seguridad occidental. 1939–1986. Madrid, 1986; *Portero F.* Franco aislado: la cuestión española (1945–1950). Madrid, 1989; *Brundu P.* Europa y Estados Unidos frente al problema de la integración de España en el sistema de seguridad occidental (1945–1953). Madrid, 1992; *Edwards J.* Anglo-American Relations and the Franco Question. 1945–1955. Oxford, 1999; *Spain and the Great Powers in the Twentieth Century.* London–New York, 1999.

побежденным и победителям в испанской гражданской войне. Кроме того, на советском фронте сражалась "добровольческая" испанская "голубая дивизия", т.е. для Москвы франкистская Испания была участницей войны и союзницей Гитлера². Со своей стороны, Франко считал коммунизм, олицетворяемый Советским Союзом, своим врагом номер один, призывал западные страны объединиться против него в крестовом походе.

Проблема отношения к франкистской Испании и ее политического будущего являлась одним из факторов, разделивших недавних союзников-победителей, вокруг нее, как и в других случаях, разгоралось их открытое и тайное противоборство, вырабатывались новые модели поведения в послевоенной борьбе двух систем.

В Москве было хорошо известно, что в Испании не прекращаются попытки развернуть партизанскую войну. Более того, советские руководители какое-то время ориентировали лидеров КПИ на активизацию действий именно в этом направлении.

Важнейшее значение для будущего развития событий имело обстоятельство, на которое в своих воспоминаниях указывал "партизан-диверсант" (как он себя называл) И.Г. Старинов: "Почти вся республиканская армия [в 1939 г.] попала в плен за исключением 14-го партизанского корпуса³. Основная его часть вышла на территорию Франции, где и была интернирована... После оккупации Франции бойцы корпуса вырвались из лагерей и занялись привычным делом... К 1943 г. корпус имел уже 27 диверсионных бригад, сведенных в девять дивизий. Их действия распространились на 2/3 территории Франции, они участвовали в освобождении ряда городов, в том числе Марселя и Парижа.

Во Франции, как, например, в Болгарии, Югославии и других странах, примерно 80% командиров партизанских соединений и специалистов-диверсантов были подготовлены либо прямыми участниками партизанской войны в Испании, либо прошедшими через их руки инструкторами. Бывший начальник штаба 14-го партизанского корпуса Л. Илич был начальником оперативного отдела Главного штаба французских партизан⁴.

О том, что у И.В. Сталина были определенные представления о "желательном будущем" для Испании, сообщает в своих мемуарах один из руководителей партизанской борьбы, член ЦК КПИ Э. Листер, находившийся в эмиграции в СССР. В середине октября 1944 г. он имел на эту тему двухчасовую беседу с Г. Димитровым, бывшим главой Коминтерна, а затем заведующим Отделом международной информации ЦК ВКП(б). По его словам, идеи Сталина сводились к следующему:

а) "Расстроить планы западных империалистов, желающих сохранить Франко у власти после военного разгрома фашизма.

б) Заставить лидеров испанских социалистов, анархистов и республиканцев отказаться от своей политики пассивного ожидания помощи извне.

в) Сформировать правительство, которое могло бы говорить от имени испанского народа (или Комитет Освобождения).

г) И, наконец, это представительство испанской демократии должно быть поддержано народным движением, основным выражением которого могла быть только – учитывая ситуацию в Испании – партизанская борьба"⁵.

² Материалы о действиях "голубой дивизии" тщательно собирались и хранились в архиве. Ее командир Муньос Грандес в 1944 г. чрезвычайной комиссией по расследованию злодеяний фашистских захватчиков был признан военным преступником: Российский государственный военный архив (далее – РГВА), ф. 1425 (Документы по Испании, 1923–1945), оп. 2, д. 46, л. 108. Однако СССР так и не объявил Испании войну.

³ На самом деле только после падения Каталонии в феврале 1939 г. не менее 400 тыс. испанцев, военных и гражданских лиц, перешли французскую границу: *Сориа Ж.* Война и революция в Испании. 1936–1939, в 2-х т., т. 2. М., 1987, с. 243.

⁴ *Старинов И.Г.* Мины замедленного действия. Размышления партизана-диверсанта, кн. 2. М., 1999, с. 50, 182.

⁵ *Lister E.* Asi destruyo Carrillo el PCE. Barcelona, 1983, p. 28; *Arasa D.* Años 40: los maquis y el PCE. Barcelona, 1984, p. 254–255.

О тех же проблемах шла речь на встрече Сталина (при участии Г.М. Маленкова и Л.П. Берия) с Генеральным секретарем КПИ Д. Ибаррури в феврале 1945 г., накануне ее отъезда из СССР во Францию, где в ее южных департаментах, на границе с Испанией, стали концентрироваться силы испанской оппозиции, в том числе и вооруженные группы. Советские руководители заявили, что СССР готов взять на себя поставки оружия испанским отрядам, находящимся на юге Франции и в самой Испании. Обсуждался и вопрос о будущем страны после свержения режима Франко⁶. По словам Ибаррури, Сталин твердо пообещал помощь и резюмировал: "Можете рассчитывать на нас. Испанские антифашистские бойцы – наши союзники"⁷. Таким образом, советский руководитель выразил заинтересованность в решении "испанского вопроса" по своему сценарию, т.е. в пересмотре итогов гражданской войны в Испании, и признал необходимым использовать для этого, во-первых, собственный международный авторитет, а во-вторых, вооруженные формирования республиканской оппозиции.

К этому времени испанские боевые группы, сосредоточенные на юге Франции, уже успели заявить о себе. Их руководители, прежде всего коммунисты, в обстановке всеобщего воодушевления после освобождения Франции, решили провести крупную наступательную операцию на территорию Испании. В октябре 1944 г. соединение в несколько тысяч человек вступило в долину Аран. Предполагалось, что, оно сумеет образовать на севере Каталонии стабильный фронт, захватить какой-либо крупный город и учредить там правительство, после чего можно будет добиваться признания этого правительства странами антигитлеровской коалиции. Повстанцы надеялись, что их действия вызовут массовые выступления по всей стране, которые перерастут во всенародное восстание⁸. Этим планам, однако, не суждено было осуществиться. Неподготовленная ни в военном, ни в политическом отношении операция в долине Аран закончилась полным разгромом партизанского корпуса и отступлением его остатков на территорию Франции.

Испанский историк В. Альба сообщает об этих событиях следующее: «Осенью 1944 г. созданная коммунистами Верховная хунта Национального союза выдвинула лозунг "Да здравствует национальное восстание!" Для обоснования этой идеи утверждалось, что ее внушил сам Сталин, который отдал приказ о вторжении в Испанию. Никто не знает, как он передал свой приказ и кто его слышал. Но многие коммунисты поверили в него. После долгих лет молчания Сталина об Испании, их воодушевило, что он удостоил их приказа о выступлении"⁹.

Один из руководителей операции в долине Аран коммунист Л. Товар утверждал: "Я убежден, что Сталин не имел к ней [операции] никакого отношения. В то время перед ним стояли такие большие проблемы, по сравнению с которыми наша была слишком мала"¹⁰. С этим трудно не согласиться.

В тот же период руководитель молодежной организации КПИ С. Каррильо, перебравшийся в Оран (Северная Африка), на территорию, занятую американцами, готовил группу из 60 человек для высадки в Малаге, где предполагалось создать партизанскую базу. Притом, что тактика группы Каррильо была другая, преследовалась та же цель: заострить ситуацию с тем, чтобы заставить вмешаться союзников в испанские дела. Находившаяся еще в СССР Ибаррури резко возражала против планируемой операции, так как риск был слишком велик, а успех сомнителен¹¹. Судя по всему, в Москве уже разрабатывалась своя программа действий. Каррильо было приказано на-

⁶ Ибаррури Д. Воспоминания, кн. 2. М., 1988, с. 102–103; Исторический архив, 1996, № 4, с. 94.

⁷ Ибаррури Д. Ук. соч., с. 102–103.

⁸ Sorel A. Guerrilla española del siglo XX. Paris, 1970, p. 56; Carrillo S. Mañana España. Paris, 1975, p. 123.

⁹ Alba V. El Partido Comunista en España. Barcelona, 1979, p. 273.

¹⁰ Arasa D. Op. cit., p. 253.

¹¹ Ибаррури Д. Указ. соч., с. 97–98; Carrillo S. Dialogue on Spain with Regis Debray and Max Gallo. London, 1976, p. 91–92; Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ), ф. 495 (Коминтерна), оп. 74, д. 240, л. 124.

правиться на юг Франции, в Тулузу, где он вошел в руководящую группу компартии (предварительно все же переправив "подготовленных товарищей" в Испанию)¹².

В докладе, направленном в Отдел международной информации ЦК ВКП(б) в феврале 1945 г., Каррильо сообщал, что в операции в долине Аран участвовало около 8000 человек (фактически это была серия из нескольких операций). Они выполняли "приказ, направленный делегацией в Испании партийным товарищам, подписанный М. (Х. Монсоном. – А.С.)". В приказе ставились следующие задачи: "Создать на испанской территории плацдарм максимально возможной протяженности и закрепиться на нем... По ходу реализации этой акции... направлять туда наши резервы, организуя и вооружая все новые испанские подразделения, которые будут удерживать этот фронт. Этот плацдарм... должен снабжаться с другой стороны границы достаточным количеством оружия, боеприпасов, продовольствия и снаряжения". Предусматривалось развернуть целую серию "вспомогательных диверсионных и террористических акций по всей испанской территории с максимально возможным размахом"¹³.

Главный негативный эффект этой операции Каррильо видел в том, что из-за нее "были практически потеряны месяцы сентябрь, октябрь и часть ноября, когда можно было проникнуть в Испанию для ведения подлинной партизанской борьбы с использованием большого количества людей и военных материалов"¹⁴. Видимо, именно тактику "классических" партизанских действий поддерживали и в Москве. Некоторые факты свидетельствуют, что советское руководство действительно было готово поддерживать развертывание партизанской борьбы в Испании, но только по завершении войны с Германией, после должной материальной и политической подготовки, а в наиболее благоприятном варианте – опираясь на хотя бы косвенно засвидетельствованное согласие союзников.

В конце 1944 г. было принято решение об отъезде всех испанских коммунистических руководителей из Москвы во Францию. Тогда же Димитров сообщил Сталину, что по просьбе Ибаррури он послал запрос И. Броз Тито "о возможности направления в Югославию и временного использования в Народно-освободительной армии испанских товарищей Модесто (русская фамилия Морозов Георгий Георгиевич), Листер (русская фамилия Лисицын Эдуард Эдуардович) и Кордон (русская фамилия Кузнецов Антон Антонович). Товарищ Тито ответил согласием. ...В таком случае т.т. Модесто, Листер и Кордон будут иметь возможность через некоторое время переехать ближе к Испании для работы по линии испанской компартии"¹⁵.

Пробыв несколько месяцев у Тито, Листер и Модесто в феврале 1945 г. прибыли в Париж. (Кордон остался в Югославии еще на год). Находившийся уже на юге Франции Каррильо образовал в Тулузе новое Политбюро ЦК КПИ, в котором Листер стал ответственным за военные вопросы. Он же возглавил Партизанское объединение, заместителем Листера стал Модесто, а сам Каррильо – политкомиссаром. Вскоре Партизанское объединение было преобразовано в Объединение Вооруженных сил Испанской республики во главе с Листером, причем в эту организацию должны были войти только коммунистические отряды. На границе с Испанией, в Пиренеях под руководством Листера было создано пять партизанских баз, откуда группы бойцов по 10–15 человек просачивались в Испанию¹⁶.

Небольшие партизанские и диверсионные группы (из Франции и Северной Африки) рассредоточивались по всей территории страны и были призваны консолидировать все активные антифранкистские элементы. Переброска этих групп шла в тече-

¹² РГАСПИ, ф. 495, оп. 74, д. 240, л. 132.

¹³ РГАСПИ, ф. 17 (Отдела внешней политики ЦК ВКП(б)), оп. 128, д. 41, л. 14–15.

¹⁴ Там же, л. 16.

¹⁵ Там же, ф. 495, оп. 74, д. 243, л. 3.

¹⁶ Pike D.W. Jours de gloire, jours de honte. Le Parti Communist d'Espagne en France, depuis son arrivée en 1939 jusqu'à son départ en 1950. Paris, 1984, p. 141.

ние всего 1945 г. Они проводили мелкие акции, но эти акции исчислялись сотнями. Отчет о партизанской деятельности в этот период был также направлен в ЦК ВКП(б)¹⁷.

Соответственно, нарастал и вал франкистских репрессий в стране. Коммунисты с полным основанием стали называть себя "партией расстрелянных и партизан". Объективно в Испании тогда не было условий для развертывания массовой повстанческой борьбы, ведь главный залог ее успеха – поддержка населения, особенно сельского, а в обескровленной недавней гражданской войной и террором стране народ жаждал мира любой ценой.

Вряд ли организаторы борьбы пошли бы на такие жертвы, если бы не рассчитывали на ее широкий международный резонанс и поддержку извне, на активизацию мирового общественного мнения, на неприемлемость существующего в Испании режима для мирового сообщества.

Советское руководство первым сделало попытку сформулировать и поставить перед лидерами мировых держав испанский вопрос. На Потсдамской конференции летом 1945 г. Сталин внес предложение рассмотреть "вопрос о режиме в Испании". В советском проекте резолюции по этому вопросу утверждалось, что режим Франко является "серьезнейшей опасностью для свободолюбивых наций в Европе и Южной Америке", рекомендовалось порвать всякие отношения с правительством Франко, "оказать поддержку демократическим силам Испании и дать возможность испанскому народу создать такой режим, который соответствует его воле". Однако этот проект не был принят. Черчилль не соглашался даже обсуждать советское предложение. То, что речь шла о прокоммунистическом правительстве, попытки которого утвердиться у власти в Испании приведут к возобновлению гражданской войны, не вызывало в англо-американском лагере никакого сомнения.

В заключительный документ конференции была все же внесена следующая формулировка: "Три правительства... не будут поддерживать просьбу о принятии в члены [ООН], заявленную теперешним испанским правительством, которое, будучи создано при поддержке держав Оси, не обладает, ввиду своего происхождения, своего характера, своей деятельности и своей тесной связи с государствами-агрессорами, качествами, необходимыми для такого членства"¹⁸. Конечно, о каком-либо вмешательстве в испанские дела или же акциях против Франко речь не шла, хотя однозначное осуждение его режима вселило надежды в испанскую оппозицию. Но главное, объявляя Франко фактически "изгоем", резолюция ставила определенный политический и моральный барьер на пути возможной нормализации отношений между его правительством и западными демократиями.

Франко, со своей стороны, все чаще стал заявлять, что его дружба со странами "оси" была вызвана необходимостью противостоять коммунизму. Он предпринял некоторое косметическое обновление фасада своего режима в ожидании того момента, когда наступит конец "чудовищной аномалии" – альянса западных демократий с Советским Союзом. Международную критику своего режима испанский диктатор объявлял происками коммунистов, направленными на разрушение страны, и давлением республиканской эмиграции. В западных столицах все больше склонялись к убеждению, что Советский Союз весьма заинтересован в "детонировании" в Испании гражданской войны, которая привела бы к власти коммунистов.

КПИ, действительно, упорствовала в развертывании в стране партизанского движения, однако нельзя утверждать, что она делала это, исключительно выполняя волю Москвы. Среди испанских республиканцев, не только коммунистов, были тысячи людей, настроенных непримиримо по отношению к франкизму, готовых посвятить себя вооруженной борьбе с ним. О масштабах советской помощи повстанцам конкретных

¹⁷ РГАСПИ, ф. 17, оп. 128, д. 932, л. 9–28.

¹⁸ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., т. VI. М., 1984, с. 334.

сведений в настоящее время не имеется. По косвенным данным, она была не так уж велика. Известно, что отчеты о своей деятельности испанские коммунисты регулярно направляли в ЦК ВКП(б) и, как и другим "братским партиям", им выделялись финансовые средства¹⁹.

В соответствии со сложившейся на заключительном этапе войны практикой необходимо было предъявить мировому сообществу достаточно авторитетный и легитимный орган – "правительство в изгнании", которое могло бы взять власть после устранения диктаторского режима. И действительно, осенью 1945 г. в Мексике, где находилось очень много испанских политэмигрантов, было создано коалиционное республиканское правительство во главе с Х. Хиралем. В начале 1946 г. оно прибыло в Европу, где во все усложняющейся политической обстановке попыталось укрепить свои позиции. Не добившись поддержки ни у США, ни у Великобритании, оно начало делать радикальные заявления – видимо, решив, что рассчитывать может только на СССР. А вскоре в него был введен представитель КПИ С. Каррильо.

Слабость этого правительства была очевидной. Во-первых, оно представляло только республиканский лагерь, исключавший сотрудничество с куда более авторитетными деятелями монархического спектра. А во-вторых, ему противостояла влиятельнейшая часть собственно республиканской оппозиции, которая шла за Испанской социалистической рабочей партией (ИСРП) и ее лидером И. Прието, который не желал поддерживать правительство, готовое пойти на сотрудничество с коммунистами, а потому не имеющее, по его мнению, шансов быть признанным западными демократиями.

Тем временем испанский вопрос приобретал все больший международный резонанс. В последние месяцы 1945 г., с окончанием военных действий на Дальнем Востоке и завершением Второй мировой войны, во многих странах мира, особенно во Франции, все шире стала разворачиваться международная кампания против режима Франко, "последнего реликта фашизма". Министры и парламентарии – представители левых партий, профсоюзы, различные комитеты, СМИ выдвигали требования разрыва дипломатических отношений своих стран с Испанией, объявления ей экономической блокады. Историк М. Лильо, специалист по испано-французским отношениям, утверждает, что в это время СССР "активизировал свое участие в испанском вопросе, оказывая давление на французскую дипломатию через министров – членов ФКП, настаивая, чтобы Париж определился в своей политике в отношении Франко"²⁰.

И все же лишь немногие правительства склонялись к принятию против Франко конкретных мер. Здесь играли свою роль и сомнения в эффективности таких мер, и отсутствие успешного опыта их применения в предвоенные годы, но, прежде всего, страх перед возможностью "второго издания" гражданской войны в Испании, возникновения очага международной напряженности, где могло произойти столкновение западных держав и Советского Союза. Многие государства, кроме того, активно выступали против нарушения принципа невмешательства во внутренние дела, не желая создавать опасный прецедент "интервенционизма". Симптоматично, однако, что в самом конце ноября из Мадрида был отозван посол США Н. Армюр, а на его месте остался лишь дипломат в ранге поверенного в делах.

3 февраля 1946 г. Дж. Кеннан, поверенный в делах США в Москве, вскоре ставший известным, как идеолог американской политики "сдерживания", направил госсекретарю Дж.Ф. Бирнсу послание, в котором проанализировал основы "испанской" политики Советского Союза. По его мнению, эта политика – следствие событий гражданской войны и Второй мировой войны, и с этим трудно не согласиться. Свержение франкистами республиканского правительства Испании, посылка на германо-советский фронт "голубой дивизии" (причастной к разрушению и разграблению Большого

¹⁹ См.: Сагомонян А.А. Партизанская борьба в Испании в 1940-е годы. Новые архивные материалы. – Новая и новейшая история, 1996, № 1.

²⁰ La política exterior de España en el siglo XX. Madrid, 2000, p. 331.

Екатерининского дворца в Царском Селе, "возможно, самого прекрасного из русских исторических памятников"), определили враждебное отношение Москвы к режиму Франко и желание его устранить. "Последнее представляется ей необходимым также в силу политических и стратегических интересов. СССР стремится к созданию в Испании прокоммунистического правительства для поддержки с этого ключевого плацдарма компартий в Италии и во Франции, проникновения в Латинскую Америку и Марокко".

Нельзя не отметить, что, характеризуя позицию СССР, Кеннан явно сгущал краски. Он утверждал далее: для достижения своих целей Кремль не может делать ставку ни на свою военную мощь, так как здесь требовалось бы применение авиации и военно-морских сил, которых у СССР явно недостаточно, ни на слабую антифранкистскую оппозицию внутри Испании, ни тем более на ослабевшую КПИ. Поэтому тактика его, считал американский дипломат, заключается в мобилизации мирового общественного мнения и воздействии через него на западные правительства. Добиваясь принятия против Франко жестких санкций, утверждал он, Москва рассчитывает, что в условиях дестабилизации и беспорядков в стране организованность и дисциплина компартии позволят ей взять ситуацию под свой контроль. По мнению Кеннана, интересы России в Испании неизбежно столкнутся с интересами Великобритании и США²¹. Записка долго циркулировала в госдепартаменте и затем была передана в Форин оффис.

Этот документ представляет особый интерес, если вспомнить, что знаменитая "длинная телеграмма" Кеннана, в которой давалась оценка советским геополитическим притязаниям в целом и выдвигалась концепция "сдерживания", была отправлена из Москвы уже 22 февраля. В ней также не был обойден вниманием Пиренейский полуостров: "Если Испания попадет под коммунистический контроль, – предупреждал автор, – вопрос о советской базе на Гибралтаре может быть решен"²².

Таким образом, в начале 1946 г. проблема будущего Испании стала приобретать широкое международное звучание. Это был противоречивый переходный период истории, когда отношения между СССР и Западом постепенно входили в стадию обострения, вырабатывались новые модели поведения в послевоенной борьбе двух систем за влияние в мире. Нельзя забывать и о том, что как раз в январе–марте 1946 г. разразился "иранский кризис" и определилась "тенденция к партнерству США и Англии против СССР и его политики в стратегически важных регионах"²³.

На этом фоне, в феврале 1946 г. в Испании было объявлено о казни партизанского командира, в недавнем прошлом – героя французского Сопротивления Кр. Гарсиа и девяти его товарищей, обвиненных в терроризме. Вскоре к длительным срокам тюремного заключения приговорили 37 социалистов за попытку возродить структуры партии внутри страны. Казни и репрессии являлись обычной практикой франкистского режима, однако, в обстановке, когда к нему были прикованы взоры мирового сообщества, этот шаг испанских властей носил явно вызывающий характер.

Казнь партизан имела большой и весьма длительный резонанс во многих странах, но прежде всего – в СССР. Это событие стало поводом для новых резких обличений в советской прессе испанской диктатуры и тех кругов в "некоторых странах, которые стремятся сохранить последний фашистский очаг в Европе" (речь о правительствах этих стран пока еще не шла). В последующие несколько недель газета "Правда" почти ежедневно публиковала сообщения о различных акциях протеста (в основном организованных профсоюзами) во всем мире против "фашистского террора" и "кровавого режима" в Испании, а также статьи, очерки и фельетоны на испанскую тему.

²¹ Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers (далее – FRUS). 1946, v. 2, p. 1033–1036.

²² Ibid., p. 678.

²³ Егорова Н.И. "Иранский кризис" 1945–1946 гг. по рассекреченным архивным документам. – Новая и новейшая история, 1994, № 3, с. 42.

Французское правительство, под давлением приобретших огромное влияние левых партий, а также профсоюзов, приняло решение закрыть границу с Испанией и прекратить с ней всякие экономические отношения. Оно предложило также обсудить испанский вопрос в Совете Безопасности ООН.

США и Великобритания не были, однако, заинтересованы в том, чтобы Советский Союз в качестве члена Совета Безопасности включился в подобное обсуждение. Это помогло бы советской дипломатии извлечь для себя политические и пропагандистские выгоды. В Лондоне пришли к выводу: французская инициатива во многом инспирирована "советскими агентами", которые делают ставку на то, что возможные инциденты на франко-испанской границе спровоцируют военный конфликт и заставят вмешаться великие державы²⁴. Британские политики утверждали, что ситуация в Испании является внутренним делом суверенного государства, и не хотели допустить, чтобы обсуждение испанского вопроса в Совете Безопасности создало своего рода прецедент, поскольку, с их точки зрения, он не являлся спорным между двумя странами и не представлял явной угрозы миру и безопасности, как это трактуется в Уставе ООН.

Три западные державы нашли следующий выход из создавшейся ситуации. 4 марта 1946 г. они выступили с собственной декларацией, осуждавшей политику франкизма и подтверждавшей их нежелание поддерживать с ним "полномасштабные и сердечные отношения". Вместе с тем в ней содержалась осторожная оговорка: "Не существует намерения вмешиваться во внутренние дела Испании. Испанский народ должен в конечном счете сам решать свою судьбу" и выражалась надежда на то, что "ведущие патриотические и либерально настроенные силы Испании скоро найдут средства добиться мирного ухода Франко", после чего будет создано некое "временное правительство"²⁵. Этот документ гарантировал признание и помощь будущему правительству со стороны западных держав, однако о каком-либо их содействии в деле самого свержения диктатуры не говорилось.

Таким образом, эта трехсторонняя декларация не в последнюю очередь преследовала цель блокировать участие СССР в испанских делах, не допустить возможного усиления советского влияния в Испании.

9 марта 1946 г. в "Правде" появилась большая программная статья (без подписи) "К ликвидации фашистского режима в Испании", в которой давалась не только исчерпывающая оценка последнего англо-американо-французского заявления, но излагалось также видение советским руководством испанской проблемы в целом. В Архиве внешней политики (АВП) РФ содержится документальное свидетельство того, что автором этой статьи был В.М. Молотов. Его записка (от руки), адресованная Сталину, гласит: "Прилагаемую статью об Испании я направил в "Правду" для напечатания... Нет ли возражений или поправок?". И краткая резолюция Сталина: "Можно. Ст."²⁶.

Полемика с западными странами начиналась уже с первых фраз, а именно с утверждения, что в Испании "фашистский режим фактически поддерживает состояние гражданской войны". Впоследствии этот слишком "смелый" тезис не получил развития в советской пропаганде, зато второй принципиально важный момент в ближайшие месяцы повторялся буквально во всех выступлениях советских политиков и дипломатов по испанскому вопросу: режим Франко *"представляет собой угрозу для всеобщего мира и безопасности"* (выделено мной. – А.С.). Это, безусловно, должно было стать главным аргументом для передачи этого вопроса в Совет Безопасности ООН. В отношении декларации западных держав от 4 марта указывалось, что она "является некоторым шагом вперед с точки зрения критики и осуждения" франкизма, но вместе

²⁴ Portero F. Op. cit., p. 147–148.

²⁵ ООН. Совет Безопасности. Подкомитет по испанскому вопросу. Нью-Йорк, 1946, с. 8–9.

²⁶ Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ), ф. 06 (Секретариат В.М. Молотова), оп. 8, п. 34, д. 536, л. 2.

с тем – "совершенно недостаточна, так как оставляет открытым вопрос о ликвидации фашистского режима в Испании".

По мнению автора статьи в "Правде", "речь должна идти о действенных мероприятиях, направленных к свержению Франко", а не о новых призывах и уговорах. Достаточно резко он высказывался о принципе "невмешательства" в дела Испании, который "как в прошлом, так и в настоящее время больше всего устраивает самого Франко. ...Он стал общим лозунгом Франко и его зарубежных покровителей".

Публикация статьи Молотова означала, что в Москве готовились начать новый, активный и решающий тур зондирования ситуации вокруг Испании. Причем помимо попыток форсирования международного давления предполагалось действовать и через иные каналы.

Одним из свидетельств последнего является сообщение поверенного в делах США в Испании Ф. Бонсала, которое тот направил госсекретарю 8 марта 1946 г.: "В Париже некоторое время находилась советская военная миссия во главе с полковником Лапшиным. В СССР опасаются, что США и Великобритания добиваются, чтобы внешняя и экономическая политика Испании ориентировалась на них. Советский Союз стремится расстроить планы западных демократий и с этой целью задействовал мощные средства для проникновения в Испанию. Среди этих средств – использование дисциплинированной Французской компартии и испанских эмигрантов во Франции. Влияние Москвы на французских коммунистов и испанских беженцев стало совершенно очевидно в последнее время. Капитан Новиков и лейтенант Xilitzin (Кислицын?), члены советской военной миссии в Париже, имеют постоянные контакты с испанскими эмигрантами. Первый действует в департаменте Арьеж и пытается организовать отправку нелегальных грузов с оружием и амуницией в Испанию. Другой находится в Нанси, где занимается пересылкой подобных же грузов морем. Пассионария, лидер испанских коммунистов, которая несколько лет жила в России, постоянно посещает советское посольство и передает другим испанским группам полученные приказы"²⁷. Надо, однако, заметить, что перечисленные автором реально задействованные Москвой силы были явно несоразмерны названной им цели – "расстроить планы западных демократий".

Примерно в то же время франкистские спецслужбы сообщали, что коммунисты под руководством Листера сосредоточили вблизи границы большие запасы оружия – 48 тыс. винтовок, 3 900 пулеметов, 45 тыс. гранат и что они, якобы, получили инструкции из Москвы и заручились поддержкой И. Броз Тито²⁸.

О взаимодействии между испанскими коммунистами и ФКП сообщала в своем письме в ЦК ВКП(б) и Ибаррури в феврале 1946 г.: "Я предложила руководству французской компартии обратиться к другим коммунистическим партиям с предложением о заключении соглашения по координации действий в деле оказания помощи испанскому народу. Французские товарищи одобрили мое предложение и поручили товарищу Марти заняться организацией этой кампании". Сама же ФКП, как подчеркивала Ибаррури, "оказывает испанской компартии в настоящее время заметную помощь во всех отношениях"²⁹.

После трехсторонней декларации Франция не сразу отказалась от своего предложения относительно передачи испанского вопроса в Совет Безопасности, несмотря на негативную позицию Лондона и Вашингтона. Только Советский Союз 8 марта 1946 г. через своего посла в Париже С.А. Богомолова заявил о его полной поддержке³⁰.

В АВП РФ находится письмо Постоянного представителя СССР при ООН А.А. Громыко наркомуче иностр. дел В.М. Молотову, направленное из Вашингто-

²⁷ FRUS. 1946, v. 5, p. 1047–1048.

²⁸ Ibidem; Suarez Fernandez L. Franco y la URSS. La diplomacia secreta (1946–1970). Madrid, 1987, p. 125–126.

²⁹ РГАСПИ, ф. 17, оп. 128, д. 963, л. 12–13.

³⁰ Розанцева Н.А. Франция и ООН. 1945–1980. М., 1984, с. 74.

на 11 марта, в котором предлагался текст возможного варианта резолюции Совета Безопасности по Испании. "В настоящее время еще не вполне ясно, – писал Громыко, – поставит ли французское правительство данный вопрос на одно из ближайших заседаний Совета Безопасности ввиду опубликования известного англо-франко-американского заявления... Надо полагать, однако, что данный вопрос французы поставят в Совете, так как они уже в достаточной степени заангажировались на этот счет и отступить от занятой ранее позиции им будет не так легко". Ожидая, что для англичан советский проект окажется неприемлемым и они смогут его отклонить, Громыко выражал убеждение, что такой проект все же следует внести на рассмотрение Совета, "чтобы зафиксировать нашу позицию по данному вопросу. Политически для нас это будет, безусловно, выгодно. Пусть англичане и др. тянут назад и компрометируют себя в глазах общественного мнения". Нельзя не отметить, что своих главных оппонентов советский дипломат видел именно в англичанах, а не в американцах³¹.

В проекте Громыко предлагалось в качестве меры, направленной на устранение режима Франко, призвать все страны, как являющиеся членами ООН, так и нет, поврать дипломатические отношения с Испанией. В качестве обоснования причин для принятия таких мер выдвигались три пункта: режим в Испании, пришедший к власти при поддержке германского и итальянского фашизма, не совместим с принципами Устава ООН; Франко предоставил убежище германским военным преступникам; испанский режим представляет угрозу мирному существованию народов³².

Таким образом, широкая международная антифранкистская кампания, поддерживавшаяся Советским Союзом, настойчивость в продвижении испанского вопроса в Совет Безопасности и видимая активизация помощи испанским партизанам складывались в звенья одной цепи. Все говорит о том, что в Москве к этому времени сложился определенный план действий, для полной реализации которого требовался, однако, целый комплекс благоприятных условий. Но даже при отсутствии успешного воздействия на ситуацию в самой Испании, эта страна являлась серьезным козырем в политическом противоборстве с Западом в условиях надвигающейся "холодной войны".

На трехстороннюю декларацию США, Англии и Франции, в которой выражалась надежда на создание в скором времени в Испании "временного правительства", а по существу игнорировалось уже существующее в изгнании республиканское правительство Хиралья, СССР дал своеобразный ответ. Ровно через месяц, 5 апреля 1946 г., когда в правительство Хиралья вошел коммунист С. Каррильо, последовало первое признание этого правительства Польшей. 7 апреля Румыния разорвала отношения с режимом Франко. 13 апреля об официальном признании республиканской Испании заявила Югославия. В конце месяца Болгария разорвала дипломатические отношения с Франко, а в июле 1946 г. республиканское правительство признала Венгрия.

Что касается СССР, то его руководители никогда не признавали республиканские институты в изгнании и даже никогда не говорили о такой возможности. Когда несколько месяцев спустя Хираль, по его просьбе, встретился в Париже с Молотовым, тот заявил: "Не просите меня о признании вашего правительства Советским Союзом, мы не имеем такой возможности. Вас уже признали все социалистические страны, это все, что мы могли сделать"³³.

Одновременно Советский Союз предпринял решительную попытку заострить испанский вопрос в ООН, действуя на этот раз через своего союзника – Польшу. Как раз в начале 1946 г. польский представитель на два года вошел в Совет Безопасности ООН в качестве непостоянного члена. Этим представителем стал О. Ланге, крупный экономист, около 12 лет проживший на Западе, профессор Чикагского университета,

³¹ АВП РФ, ф. 06, оп. 8, п. 34, д. 533, л. 1–2.

³² Там же, л. 3–4.

³³ *El Exilio Español de 1939*, t. II. Guerra y Política. Madrid, 1976, p. 212.

а впоследствии – член Ц.К. Польской объединенной рабочей партии, академик³⁴. Он был одним из нескольких видных эмигрантов – некоммунистов, которые согласились сотрудничать с СССР в деле формирования нового коалиционного польского правительства. Ланге приезжал в Советский Союз весной и осенью 1944 г., встречался со Сталиным и Молотовым³⁵, участвовал в обсуждении польской проблемы во время визита в Москву У. Черчилля и С. Миколайчика, премьера польского правительства в эмиграции³⁶.

В начале апреля 1946 г. польское правительство направило письмо на имя Генерального секретаря ООН с предложением внести испанский вопрос в повестку дня Совета Безопасности. Не желая ставить себя в двусмысленное положение, США и Великобритания согласились на это.

17 апреля 1946 г. Ланге выступил в Совете Безопасности с предложением разорвать отношения с режимом генерала Франко как создающим угрозу международному миру. (Если бы это было признано членами Совета, к Испании можно было бы применить соответствующие санкции). Он обосновывал это тем, что Испания имеет большую армию, наращивает свои силы на французской границе и т.п., но главное – что скрывающиеся в Испании нацисты занимаются разработкой "новых видов оружия" (имелась в виду атомная бомба). Громыко поддержал и дополнил своего польского коллегу, но сторонников у него оказалось не так уж много. Лагерь их противников возглавил делегат Великобритании: он не соглашался признать в нынешних действиях Франко угрозу миру. Главное его возражение заключалось в том, что Устав ООН не дает права на вмешательство во внутренние дела другого государства. После острого обмена мнениями было решено передать испанский вопрос на рассмотрение специального подкомитета из пяти человек, который возглавил представитель Австралии³⁷.

Доклад специального подкомитета был представлен 31 мая 1946 г. Его выводы носили двойственный характер. С одной стороны, признавалось, что режим Франко утвердился с помощью стран "оси", что он имеет фашистский характер, продолжает поддерживать нацистских военных преступников, что в Испании происходят казни и репрессии политических оппонентов и т.п. Однако подкомитет не мог рекомендовать Совету Безопасности вмешаться в дела Испании, поскольку Франко не совершил какого-либо акта агрессии и не угрожал международному миру, хотя представляет собой "потенциальную угрозу". В связи с этим предлагалось передать вопрос в Генеральную Ассамблею, которой рекомендовалось призвать всех членов ООН к разрыву всяких отношений с Испанией³⁸.

В июне представленный подкомитетом доклад обсуждался в Совете Безопасности. Обсуждение вылилось в острые споры и в конечном счете – в непримиримое столкновение между советским и западным блоками. Громыко утверждал, что все обвинения против Франко абсолютно доказаны, и Совет Безопасности должен незамедлительно принять решение о санкциях, иначе он рискует подорвать свой авторитет. Даже самые рьяные его сторонники – делегаты Польши и Франции, заявили, что готовы принять резолюцию подкомитета, несмотря на серьезные возражения, поскольку она продвигает вперед дело осуждения франкизма и так как ее поддерживает большинство Совета. Однако при голосовании Громыко, используя право вето, отклонил резолюцию. Так же он реагировал и на все другие предложения, "грозящие" передачей вопроса в Генеральную Ассамблею, решения которой носят рекомендательный характер и где,

³⁴ *Polyga E.* *Dyplomacja Polski Ludowej. 1944–1984.* Warszawa, 1986, s. 86.

³⁵ В журнале посещений И.В. Сталина указано, что О. Ланге был принят Сталиным вместе с Молотовым 17 мая 1944 г. Беседа продолжалась более двух часов. – Исторический архив, 1996, № 4, с. 76.

³⁶ *Sierocki T.* *Oscar Lange.* Warszawa, 1989, s. 148–154, 183–186.

³⁷ *Leonart A.J., Castiella F.M.* *España y ONU (1945–1946).* Madrid, 1978, p. 81–86.

³⁸ ООН. Совет Безопасности. Официальные отчеты. 1-й год, 1-я серия, № 2. Нью-Йорк, 1946, с. 183–184.

как можно было ожидать, многие члены, руководствуясь Уставом ООН, выступают против вмешательства во внутренние дела другого государства³⁹.

Итоговая резолюция Совета содержала лишь положение о том, что Совет Безопасности "оставляет ситуацию в Испании под своим наблюдением и сохраняет в списке дел, находящихся на его рассмотрении с тем, чтобы в любое время быть готовым принять необходимые меры". СССР все-таки сумел добиться временного блокирования передачи вопроса в Генеральную Ассамблею. Но по существу это означало отсутствие какого-либо ощутимого результата всей полугодовой антифранкистской кампании.

Однако внимание к испанским делам в Москве не ослабевало. Об этом свидетельствует, в частности, "сов. секретный" документ, рассматривавшийся министерством иностранных дел в августе–сентябре 1946 г. Автор документа, ссылаясь на то, что во Франции находится множество испанских эмигрантов, действуют республиканские организации, связанные с подпольем, и т.п., предлагал "возложить на посольство во Франции собрание для МИД СССР разносторонней информации по Испании и поддержание связей с испанскими республиканскими и демократическими организациями". Надо полагать, сбор информации велся и ранее (через другие ведомства), теперь же планировалось эту деятельность организовать на новом уровне: "командировать в Париж для работы в посольстве по испанским делам квалифицированного дипломатического работника". Последняя резолюция на документе Молотова, с поручением подобрать кандидатуру, датируется 4 сентября⁴⁰.

В декабре 1946 г. испанский вопрос все же был рассмотрен Генеральной Ассамблеей ООН. Он был включен в повестку дня на основании письменного обращения делегаций Бельгии, Чехословакии, Дании, Норвегии и Венесуэлы к Генеральному секретарю ООН⁴¹. Но чтобы само обсуждение стало возможным, необходимо было снять испанский вопрос с повестки дня Совета Безопасности, а здесь, как известно, решающий голос принадлежал советскому представителю.

Надо сказать, что среди советских дипломатов вначале не было единства мнений относительно целесообразности такого шага, что подтверждается "Справкой по испанскому вопросу" от 29 октября 1946 г., хранящейся в фонде референтуры ООН Архива внешней политики РФ. В ней сообщается, что глава испанского республиканского правительства Хираль обратился к Молотову с просьбой о снятии испанского вопроса с повестки дня Совета, с тем чтобы он мог быть рассмотрен Генеральной Ассамблеей. "Просьба Хиралья вызвана тем, – сообщает автор, зав. отделом МИД по делам ООН А.А. Роцин, – что он надеется собрать две трети голосов в Ассамблее в пользу рекомендации о разрыве членами ЮНО [ООН] дипломатических отношений с Франко... Тов. Молотов (тел. № 933 от 14.X.46 г.) внес предложение об удовлетворении просьбы Хиралья... и одновременно запросил мнение тов. Громыко по этому вопросу. Тов. Громыко отрицательно отнесся к такому предложению и в свою очередь предложил воздержаться при голосовании в том случае, если какая-либо страна внесет [такое] предложение"⁴². Как видим, все же речи о наложении вето в ответе Громыко не было, он возражал лишь против снятия вопроса именно по инициативе СССР. Его главный аргумент заключался в том, что это было бы знаком изменения советской линии в испанском вопросе, к тому же он сомневался в ожидаемом Хиралем благоприятном результате голосования в Генеральной Ассамблее⁴³.

Соответственно, 30 октября в Совете Безопасности О. Ланге внес предложение снять испанский вопрос с повестки дня Совета и "передать Генеральной Ассамблее

³⁹ Там же, с. 221–241.

⁴⁰ АВП РФ, ф. 06, оп. 8, д. 534, п. 34, л. 16–17.

⁴¹ United Nations. General Assembly. First Committee. Summary Records of Meetings 2 November – 13 December 1946. New York, [б.г.]. Annexes, p. 352–353.

⁴² АВП РФ, ф. 433 (Референтуры ООН), оп. 1, п. 1, д. 19 (1946), л. 50.

⁴³ Там же.

все отчеты и документы по этому вопросу". Польский проект резолюции не встретил возражений со стороны Громыко и был принят единогласно⁴⁴. Видимо, причиной такого шага послужило, помимо просьбы Хирала, обнадеживающее начало пленарных заседаний Ассамблеи: многие страны-члены ООН были определенно настроены в пользу принятия жестких мер против Франко.

Обсуждение вопроса в Генеральной Ассамблее, проходившее в начале декабря, было острым, но уже не имело прежнего накала, противостоящие стороны явно склонялись к компромиссу, без претензий на достижение невозможного. В итоге 12 декабря 1946 г. была принята резолюция, в очередной раз осуждавшая режим Франко. Она призывала все страны отозвать своих послов из Мадрида, не разрывая с ним формально дипломатических отношений. Ключевым в резолюции был следующий пункт: "Если в течение разумного времени не будет создано правительство, которое узаконит свободу слова, религии, собраний, проведет выборы", Совету Безопасности рекомендовалось "рассмотреть средства для изменения подобной ситуации"⁴⁵. О каких-либо экономических или военных санкциях против Испании речь не шла, за принятым решением уже явно не стояло ничьей, даже советской, подлинной решимости действовать.

Таким образом, полтора года обсуждения испанской ситуации показали нереальность как англо-американских призывов и деклараций, так и советских расчетов на "детонирование" массовых антифранкистских выступлений в сочетании с кампанией международного давления.

Если доклад подкомитета по испанскому вопросу Совету Безопасности ООН от 31 мая 1946 г. и предложенная им резолюция в принципе представляли собой компромиссный вариант, то Советский Союз тогда делал ставку не на компромисс, а на попытку использовать шанс радикального решения испанского вопроса. Этим объяснялась предельно жесткая позиция советского представителя в Совете Безопасности. Видимо, тогда еще была надежда на то, чтобы привлечь на свою сторону колеблющихся американцев, проявлявших готовность идти дальше в своих антифранкистских заявлениях, чем англичане, выступать защитниками демократии и т.п. Однако "взвешенность" позиции США, а точнее, отсутствие пока окончательной определенности стратегического курса, и традиционный британский прагматизм оказались непоколебимы. Уже к концу 1946 г. Советскому Союзу пришлось убедиться в безрезультатности своих усилий сокрушить франкизм путем международного давления. С этого момента стало очевидным, что Испании предстоит остаться в зоне военно-политического влияния Запада.

В то же время резолюция Генеральной Ассамблеи от 12 декабря 1946 г. – это один из последних достигнутых между "Востоком" и "Западом" политических компромиссов в преддверии развертывания "холодной войны". На сессии Генеральной Ассамблеи государства-члены ООН проявили готовность и способность добиваться согласованных решений в ходе сложнейших многосторонних переговоров. При этом вопрос о влиянии этих решений на развитие ситуации в самой Испании отступал на задний план. Резолюция стала своеобразным, хотя и не слишком высоким, "пиком" совместных усилий на испанском направлении Советского Союза и западных стран. Но почти сразу же после краткосрочного и весьма проблематичного сближения началось быстрое расхождение сторон и все более глубокое обострение отношений между ними.

Расчеты Москвы в отношении Испании, исходившие из анализа реальной международной ситуации, существенно изменились. Имеются данные (из личного архива Франко) о том, что именно в этот период, возможно, были предприняты попытки установить контакты между Москвой и официальным Мадридом. Речь идет о нескольких секретных встречах, состоявшихся в конце 1946 – начале 1947 г. между ис-

⁴⁴ ООН. Совет Безопасности. Доклад Генеральному секретарю ООН за период с июля 1946 по июнь 1947 г. Нью-Йорк, 1947, с. 11.

⁴⁵ ООН. Генеральная Ассамблея. Официальные отчеты. 1-я сессия. Нью-Йорк, 1946, с. 254, 265.

панским дипломатом (секретарем испанского посольства во Франции) и неким коммерсантом, швейцарским подданным, который являлся "доверенным лицом" советской стороны⁴⁶. Он передал предложение вступить в переговоры для достижения соглашений между Испанией и СССР в экономической и политической областях. Советская сторона проявляла особую заинтересованность в "репатриации русских дезертиров", участников гражданской войны в Испании; взамен испанцам было обещано прекратить нападки советской пропаганды на франкистский режим, прекратить давление на эмиграцию, устранить угрозу внешнего вмешательства в испанские дела и т.п.

Испанский дипломат получил инструкцию для продолжения переговоров от К. Бланко, который тогда был правой рукой Франко. Они касались условий, при которых отношения с СССР могли бы быть налажены: это отказ Москвы от покровительства испанским политическим беженцам; предоставление Испании гарантий от вмешательства во внутренние дела и от "раздувания очагов внутренних конфликтов"; репатриация всех испанцев, "которые против своей воли находятся на территории СССР"⁴⁷.

Переговоры эти были свернуты довольно быстро. Последняя встреча произошла в апреле 1947 г., уже после известной речи Трумэна, излагавшей новую американскую внешнеполитическую доктрину. На встрече было отмечено, что благоприятный момент для установления контактов миновал. Видимо, отголоском этих (или каких-то других) секретных контактов стало заявление ТАСС, опубликованное в "Правде" 5 мая 1947 г., в котором опровергалось утверждение стокгольмской газеты "Свенска моргенбладетт", сообщившей, что "в Танжере и Буэнос-Айресе уже в течение нескольких месяцев ведутся переговоры между СССР и франкистской Испанией по поводу заключения пакта о дружбе"; эти утверждения назывались вздорным вымыслом, распространяющимся в целях дезинформации общественного мнения.

Действительно, международная обстановка стремительно ужесточалась. Испании в планах западных стран предстояло стать одним из важных стратегических рубежей "сдерживания" коммунизма. В Мадрид вскоре была направлена американская военная миссия, а затем и официальный американский представитель для предоставления крупного займа. Советский Союз приступил к выстраиванию собственной системы безопасности на ближайших рубежах, оставив "испанский нарыв" в тылу западной зоны ответственности, используя от случая к случаю эту болезненную тему в разгоравшемся политико-идеологическом противоборстве. Москва на определенной стадии все решительнее стала направлять острие "испанского вопроса" против западных держав. По мере обострения противоречий между ними и СССР в заявлениях испанских коммунистов также появлялись новые акценты. Так, на антифранкистском митинге в Лондоне 28 июля 1947 г. Э. Листер заявил, что сила Франко заключается не в армии или полиции, а в той поддержке, которую ему оказывают иностранные державы; испанский народ может сам избавиться от Франко, если эти державы перестанут его поддерживать⁴⁸.

Видя бесперспективность как борьбы испанских партизан, так и международного давления на режим Франко, советское руководство поставило точку в своей испанской политике. 5 августа 1948 г. в Кремле состоялась встреча лидеров КПИ Д. Ибаррури, С. Каррильо и Ф. Антона с И.В. Сталиным⁴⁹, где им было порекомендовано свернуть партизанское движение и искать новую тактику. По воспоминаниям Каррильо, Сталин сказал, что в новой обстановке испанским коммунистам необходимо развивать работу в легальных массовых организациях, прежде всего во франкистских профсоюзах. Он посоветовал использовать партизанские отряды впредь для охраны и обеспечения безопасности партийного руководства и для поддержания подпольных

⁴⁶ *Suares Fernandes L.* Op. cit., p. 17–30.

⁴⁷ *Ibid.*, p. 20.

⁴⁸ Правда, 29.VII.1947.

⁴⁹ Исторический архив, 1997, № 2.

контактов между городами. Ибаррури вспоминает, что они пытались возражать, говорили об успехах партизанской борьбы, о том, что рабочие их не поймут, но в ответ Сталин назвал их "леваками". После этой встречи руководители КПИ согласились, что их позиция в вопросе борьбы с франкизмом была слишком левой, и вскоре приняли решение сворачивать партизанское движение⁵⁰.

О той же встрече писал и Д.А. Волкогонов, получивший в свое время доступ в Архив Президента РФ. Он отмечал, что, действительно, главная мысль Сталина состояла в том, что коммунисты должны "проникать везде", идти в массовые организации. Кроме того, КПИ была предложена "помощь" в размере 600 тыс. американских долларов⁵¹.

Постепенно сошли на нет и попытки будировать испанский вопрос в ООН: одна из последних инициатив в этом направлении относится к маю 1949 г., когда польская делегация предложила Генеральной Ассамблее принять резолюцию, фактически направленную против США и Великобритании, которые "содействуют укреплению фашистского режима в Испании". Декабрьская 1946 г. резолюция по Испании была отменена уже в 1950 г. А 14 декабря 1955 г. Испания была принята в ООН, причем советский представитель голосовал "за". Как заявил тогда заместитель Постоянного представителя СССР при ООН А.А. Соболев испанскому послу в США Ареильсе, правительство СССР изменило критерии принятия в члены ООН: внутренние условия стран – новых претендентов отныне не будут учитываться⁵². Конечно, такой поворот стал возможен только после смерти Сталина.

⁵⁰ Carrillo S. Mañana España, p. 124–125; *idem*. Dialogue on Spain with Régis Debray and Max Gallo, p. 96–98; Ибаррури Д. Указ. соч., с. 146.

⁵¹ Волкогонов Д.А. Семь вождей, кн. 1. М., 1995, с. 239; Архив Президента РФ, ф. 45, оп. 1, д. 38, л. 105–114.

⁵² Пожарская С.П. Франсиско Франко и его время. М., 2007, с. 229.